

М
Д 72

М О И П Е Р В Ы Е К Н И Ж К И

В И К Т О Р Д Р А Г У Н С К И Й

99
ДЕВОЧКА
НА
ШАРЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“

1969

М О И П Е Р В Ы Е К Н И Ж К И

В И К Т О Р Д Р А Г У Н С К И Й

Д Е В О Ч К А
Н А Ш А Р Е

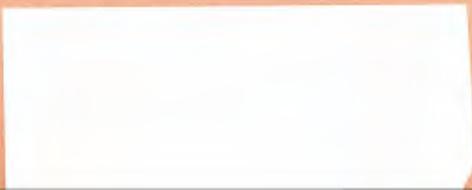
рисунки Н. Носкович

Мр2
Д72

231571

99

Издательство «Детская литература» Москва 1969

Один раз мы всем классом пошли в цирк. Я очень радовался, когда шёл туда, потому что мне уже скоро восемь лет, а я был в цирке только один раз, и то очень давно. Главное, Алёнке всего только шесть лет, а вот она уже успела побывать в цирке целых три раза. Это очень обидно. И вот теперь мы всем классом шли в цирк, и я думал, как хорошо, что я уже большой и что сейчас, в этот раз, всё увижу как следует. А в тот раз я был маленький, я не понимал, что такое цирк, и когда на арену вышли акробаты и один полез на голову другому, я ужасно расхохотался, потому что подумал, что это они нарочно делают, для смеху: ведь дома я никогда не видел, чтобы взрослые дядьки карабкались друг на друга. И на улице тоже этого не случалось. Вот я и рассмеялся во весь голос. Я не понимал, что это артисты показывают свою лов-

кость. И ещё в тот раз я всё больше смотрел на оркестр, как они играют — кто на барабане, кто на трубе, и дирижёр машёт палочкой, и никто на него не смотрит, а все играют как хотят. Это мне очень понравилось, но, пока я смотрел на этих музыкантов, в середине арены выступали артисты. И я их не видел и пропускал самое интересное. Конечно, я в тот раз ещё совсем глупый был.

И вот мы пришли всем классом в цирк. Мне сразу понравилось, что он пахнет чем-то особенным, и что на стенах висят яркие картины, и кругом светло, и в середине лежит красивый ковёр, а потолок высокий, и там привязаны разные блестящие качели. И в это время заиграла музыка, и все кинулись рассаживаться, а потом накупили эскимо и стали есть. И вдруг из-за красной занавески вышел целый отряд каких-то людей, одетых очень красиво, в красные костюмы с жёлтыми полосками. Они встали по бокам занавески, и между ними прошёл их начальник в чёрном костюме. Он громко и немножко непонятно что-то прокричал, и музыка заиграла быстро-быстро и громко, и на арену выскочил артист-жонглёр, и началась потеха! Он кидал шарики по десять или по сто штук вверх и ловил их обратно. А потом схватил полосатый мяч и стал им играть... Он и головой его подшибал, и затылком, и лбом, и по спине катал, и каблуком наподдавал, и мяч катался по всему его телу как приклеенный. Это было очень красиво. И вдруг жонглёр кинул этот мячик к нам, в публику, и тут уж началась настоящая суматоха, потому что я поймал этот мяч и бросил его в Валерку, а Валерка в Мишку, а Мишка вдруг нацелился и ни с того ни с сего запустил прямо в дирижёра, но в него не попал, а попал в барабан! Бамм! Барабанщик рассердился и кинул мяч обратно жонглёру, но мяч не долетел, он просто угодил одной красивой тётеньке в причёску, и у неё получилась не причёска, а нахлобучка. И мы все так хохотали, что чуть не померли.

И когда жонглёр убежал за занавеску, мы долго не могли успокоиться. Но тут на арену выкатили огромный голубой шар, и дядька, который объявляет, вышел на середину и что-

то прокричал неразборчивым голосом. Понять нельзя было ничего, и оркестр опять заиграл что-то очень весёлое, только не так быстро, как раньше.

И вдруг на арену выбежала маленькая девочка. Я таких маленьких и красивых никогда не видел. У неё были синие-синие глаза, и вокруг них были длинные ресницы. Она была в серебряном платье, и у неё были длинные руки; она ими взмахнула, как птица, и вскочила на этот огромный голубой шар, который для неё выкатили. Она стояла на шаре. И потом вдруг побежала, как будто захотела прыгнуть с него, но шар завертелся под её ногами, и она на нём вот так как будто бежала, а на самом деле ехала вокруг арены. Я таких девочек никогда не видел. Все они были обыкновенные, а эта какая-то особенная. Она бегала по шару своими маленькими ножками, как по ровному полу, и голубой шар вёз её на себе; она могла ехать на нём и прямо, и назад, и налево, и куда хочешь! Она весело смеялась, когда так бегала, как будто плыла, и я подумал, что она, наверно, и есть Дюймовочка — такая она была маленькая, милая и необыкновенная. В это время она остановилась, и кто-то ей подал разные колокольчатые браслеты, и она надела их себе на туфельки и на руки и снова стала медленно кружиться на шаре, как будто танцевать, и оркестр заиграл тихую музыку, и было слышно, как тонко звенят золотые колокольчики на девочкиных длинных руках, и это всё было как в сказке, и тут ещё потушили свет, и оказалось, что девочка вдобавок умеет светиться в темноте, и она медленно плыла по кругу, и светилась, и звенела, и это было удивительно, — я за всю свою жизнь не видел ничего такого подобного.

И когда зажгли свет, все захлопали и завопили: «Браво!», и я тоже кричал: «Браво!», а девочка соскочила со своего шара и подбежала вперёд, к нам поближе, и вдруг на бегу перевернулась через голову, как молния, и ещё, и ещё раз, и всё вперёд и вперёд, и мне показалось, что вот она сейчас разобьётся о барьер, и я вдруг очень испугался и вскочил на ноги, хотел бежать к ней, чтобы подхватить её и спасти, но девочка

вдруг остановилась как вкопанная, раскинула свои длинные руки, оркестр замолк, и она стояла и улыбалась. И все захлопали изо всех сил и даже застучали ногами, и в эту минуту эта девочка посмотрела на меня, и я увидел, что она увидела, что я её вижу и что я тоже вижу, что она видит меня, и она помахала мне рукой и улыбнулась. Она мне одному помахала и улыбнулась. И я опять захотел побежать к ней, и я протянул к ней руки. А она вдруг послала нам всем воздушный поцелуй и убежала за красную занавеску, куда убежали все артисты. И на арену вышел клоун со своим петухом и начал чихать и падать, но мне было не до него. Я всё время думал про девочку на шаре, какая она удивительная и как она помахала мне рукой и улыбнулась, и больше уже ни на что я не хотел смотреть. Наоборот, я крепко зажмурил глаза, чтобы не видеть этого глупого клоуна с его красным носом, потому что он мне портил мою девочку: она всё ещё мне представлялась на своём голубом шаре.

А потом объявили антракт, и все побежали в буфет пить сидро, а я тихонько спустился вниз и подошёл к занавеске, откуда выходили артисты. Мне очень хотелось ещё раз посмотреть на эту девочку, и я стоял у занавески и глядел — вдруг она выйдет? Но она не выходила.

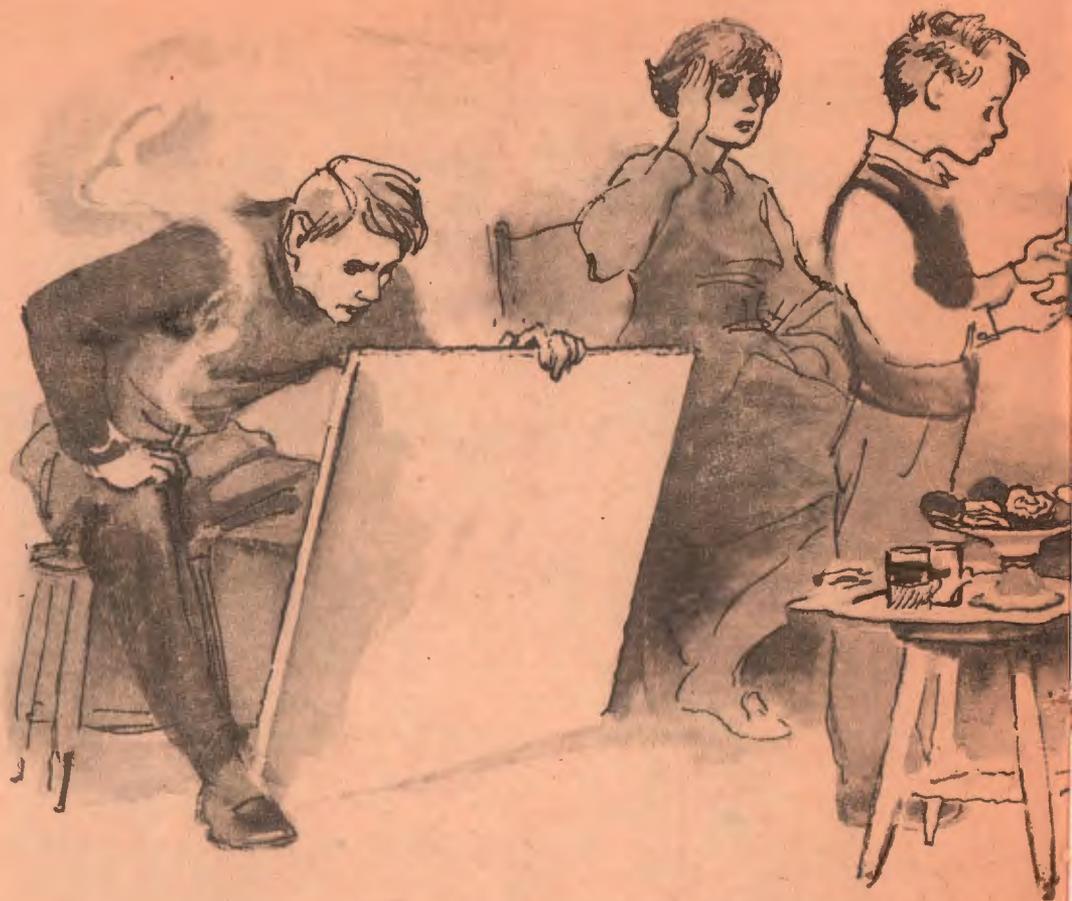
А после антракта выступали львы, и мне не понравилось, что укротитель всё время таскал их за хвосты, как будто это были не львы, а дохлые кошки. Он заставлял их пересаживаться с места на место или укладывал их на пол рядком и ходил по львам ногами, как по ковру, а у них был такой вид, что вот им не дают полежать спокойно. Это было неинтересно, потому что лев должен охотиться и гнаться за бизоном в бескрайних пампасах и оглашать окрестности грозным рычанием, приводящим в трепет людей. А так получается не лев, а просто я сам не знаю что.

И когда кончилось и мы пошли домой, я всё время думал про девочку на шаре, а вечером папа спросил:

— Ну как? Понравилось в цирке?

Я сказал:

— Папа! Там в цирке есть девочка. Она танцует на голубом шаре. Такая славная, лучше всех! Она мне улыбнулась и махнула рукой! Мне одному, честное слово! Понимаешь, папа? Пойдём в следующее воскресенье в цирк? Я тебе её покажу.

Папа сказал:

— Обязательно пойдём. Обожаю цирк!

А мама посмотрела на нас обоих так, как будто увидела в первый раз.

...И началась длинная неделя, и я ел, учился, вставал

и ложился спать, играл и даже дрался и всё равно каждый день думал, когда же придёт воскресенье, и мы с папой пойдём в цирк, и я снова увижу девочку на шаре, и покажу её папе, и, может быть, папа пригласит её к нам в гости, и я подарю ей пистолет-браунинг и нарисую корабль на всех парусах.

Но в воскресенье папа не смог идти — к нему пришли товарищи; они копались в каких-то чертежах, и кричали, и курили, и пили чай, и сидели допоздна, и после них у мамы разболелась голова, а папа сказал мне:

— В следующее воскресенье... Даю клятву Верности и Чести.

И я так ждал следующего воскресенья, что даже не помню, как прожил ещё одну неделю. И папа сдержал своё слово: он пошёл со мной в цирк и купил билеты во второй ряд, и я радовался, что мы так близко сидим, и представление началось, и я начал ждать, когда появится девочка на шаре. Но человек, который объявляет, всё время объявлял разных других артистов, и они выходили и выступали по-всякому, а девочка всё не появлялась. А я прямо дрожал от нетерпения, мне очень хотелось, чтобы папа увидел, какая она необыкновенная в своём серебряном костюме и как она ловко бегаёт по голубому шару. И каждый раз, когда выходил объявляющий, я шептал папе:

— Сейчас он объявит её!

Но он, как назло, объявлял кого-нибудь другого, и у меня даже ненависть к нему появилась, и я всё время говорил папе:

— Да ну его! Это ерунда на постном масле! Это не то!

А папа говорил, не глядя на меня:

— Не мешай, пожалуйста. Это очень интересно! Самое то!

Я подумал, что папа, видно, плохо разбирается в цирке, раз это ему интересно. Посмотрим, что он запоёт, когда увидит девочку на шаре. Небось подскочит на своём стуле на два метра в высоту...

Но тут вышел объявляющий и своим глухонемым голосом крикнул:

— Ант-рра-кт!

Я просто ушам своим не поверил. Антракт? А почему? Ведь во втором отделении будут только львы? А где же моя девочка на шаре? Где она? Почему она не выступает? Может быть, она заболела? Может быть, она упала и у неё сотрясение мозга?

Я сказал:

— Папа, пойдём скорей, узнаем, где же девочка на шаре?

Папа ответил:

— Да, да. А где же твоя эквилибристка? Что-то не видать. Пойдём-ка купим программку...

Он был весёлый и довольный. Он оглянулся вокруг, засмеялся и сказал:

— Ах, люблю... Люблю я цирк! Самый запах этот... Голову кружит...

И мы пошли в коридор. Там толклось много народу, и продавали конфеты и вафли, и на стенках висели фотографии разных тигриных морд, и мы побродили немного и нашли наконец контролёршу с программками. Папа купил у неё одну и стал просматривать. А я не выдержал и спросил у контролёрши:

— Скажите, пожалуйста, а когда будет выступать девочка на шаре?

Она сказала:

— Какая девочка?

Папа сказал:

— В программе указана эквилибристка на шаре Т. Воронцова. Где она?

Я стоял и молчал.

Контролёрша сказала:

— Ах, вы про Танечку Воронцову? Уехала она. Уехала. Что ж вы поздно хватились?

Я стоял и молчал.

Папа сказал:

— Мы уже две недели не знаем покоя. Хотим посмотреть эквилибристку Т. Воронцову, а её нет.

Контролёрша сказала:

— Да она уехала... Вместе с родителями. Родители у неё Бронзовые люди — Два-Яворс. Может, слышали? Очень жаль. Вчера только уехали.

Я сказал:

— Вот видишь, папа...

Он сказал:

— Я не знал, что она уедет! Как жалко!.. Ох ты боже мой!.. Ну что ж... Ничего не поделаешь...

Я спросил у контролёрки:

— Это, значит, точно?

Она сказала:

— Точно.

Я сказал:

— А куда, неизвестно?

Она сказала:

— Во Владивосток.

Вон куда. Далеко. Владивосток. Я знаю, он помещается в самом конце карты, от Москвы направо.

Я сказал:

— Какая даль!

Контролёрка вдруг заторопилась:

— Ну идите, идите на места, уже гасят свет.

Папа подхватил:

— Пошли, Дениска. Сейчас будут львы. Косматые, рычат!

Я сказал:

— Пойдём домой, папа.

Он сказал:

— Вот так раз.

Контролёрка засмеялась.

Но мы пошли к гардеробу, и я протянул номер, и мы оделись и вышли из цирка. Мы пошли по бульвару и шли так довольно долго, потом я сказал:

— Владивосток — это на самом конце карты. Туда, если поездом, целый месяц проедешь.

Папа молчал. Ему, видно, было не до меня. Мы прошли ещё немного, и я вдруг вспомнил про самолёты и сказал:

— А на «ТУ-104» за три часа — и там.

Но папа всё равно не ответил. Он крепко держал меня за руку. Когда мы вышли на улицу Горького, он сказал:

— Зайдём в кафе «Мороженое». Смутузим по две порции, а?

Я сказал:

— Не хочется что-то, папа.

Он сказал:

— Там подают воду, называется «Кახетинская». Нигде в мире не пил лучшей воды.

Я сказал:

— Не хочется, папа.

Он не стал меня уговаривать. Он прибавил шагу и крепко сжал мою руку. Мне стало даже больно. Он шёл очень быстро, и я еле-еле поспевал за ним. Отчего он шёл так быстро? Почему он не разговаривал со мной? Мне захотелось на него взглянуть. Я поднял голову. У него было очень серьёзное и грустное лицо.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

○○○

*В серии «Мои первые книжки» для детей
дошкольного возраста в 1969 году издаются:*

Александрова З. — ВЕТЕР НА РЕЧКЕ

Алексеев С. — НОВАЯ РУБАХА

Барто А. — ТВОЙ ПРАЗДНИК

Бонч-Бруевич В. — ЛЕНИН И ДЕТИ

Воскресенская З. — СЕКРЕТ

Квитко Л. — КАЧЕЛИ

Маршак С. — РАССКАЗ О НЕИЗВЕСТНОМ ГЕРОЕ

Михалков С. — А ЧТО У ВАС?

Носов Н. — ШУРИК У ДЕДУШКИ

Осеева В. — ПОЧЕМУ?

Снегирёва Г. — ЧЕМБУЛАК

Чуковский К. — ТЕЛЕФОН

○

Для дошкольного возраста

Драгунский Виктор Юзефович

ДЕВОЧКА НА ШАРЕ

Ответственный редактор К. Д. Арон, Консультант по художественному оформлению С. М. Алянский, Технический редактор Г. В. Лазарева, Корректор Н. А. Сяфронова. Сдано в набор 27/II 1969 г. Подписано к печати 23/IV 1969 г. Формат 70×92¹/₁₆. Печ. л. 1. Усл. печ. л. 1,17. (Уч.-изд. л. 1,09). Тираж 1750 000 экз. ТП 1969 № 118. Бум. № 2. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература» Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Калининский полиграфкомбинат детской литературы Росглавополиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46. Заказ № 78.